

Цешко-Книгина Юзефа Иосифовна, участница польского Сопротивления

1921, 28 июня. — Родилась в Польше (г. Лида).

1939. — Жизнь в г. Лида Гродненской области. Приход советских войск в город. Работа в госпитале, затем на пивоваренном заводе. Насильственное выселение поляков в Сибирь. Высылка тёти и её семьи в Красноярский край.

1941, 22 июня – 1944. — Начало Великой Отечественной войны. Оккупация г. Лиды немецкими войсками. Уход в подполье. Вступление в Армию Крайова.

1944, июль – 1945, июль. — Работа на пивзаводе секретарём-машинисткой.

1945. — Арест Ю.И. Цешко-Книгиной и её брата (28 июля). Допросы. пытки. Перевод в тюрьму. Условия содержания. Карцер.

1945, 18 ноября. — Приговор: 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах (ст. 58-1а или 63 по белорусскому кодексу).

1946, 8 января – 1949. — Отправка этапом в Минск. Пересыльная тюрьма в Орше. Прибытие в г. Молотовск (Архангельская область). Пребывание в Яренлаге. Работа на строительстве судостроительного завода.

1949, 6 февраля – 1955. — Этап в Сибирь. Строительство железнодорожной трассы Тайшет – Лена. Переводы из лагеря в лагерь по трассе. Условия жизни в лагере. Работа на лесоповале, парикмахером, портнихой. Забастовка в лагере на Новочунке.

1955. — Окончание срока. Направление в ссылку Тайшет. Работа в пошивочной мастерской в торговой части «Ангарстроля». Ежемесячные отметки в спецкомендатуре.

1960. — Пересмотр дела в Верховном Совете СССР.

1966. — Реабилитация.

1990-е гг. — Жизнь в Тайшете.

Благодарности

Благодарим Всеволода Васильевича Чеусова за предоставленную Музеем фотографию.

Цешко-Книгина Ю. И. "Перестали мы быть людьми..." // Озерлаг: как это было / сост. и авт. предисл. Л. С. Мухин. - Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. - С. 103-110.

«ПЕРЕСТАЛИ МЫ БЫТЬ ЛЮДЬМИ...»

Юзефа Иосифовна Цешко-Книгина — полячка. Родилась в 1921 г. в Белоруссии. В войну была связана с партизанами. Сразу после войны, 1945 г., арестована и осуждена на 10 лет лагерей и 5 лет поражения в правах. Освобождена и реабилитирована в 1966 г. Осталась жить и работать в Тайшете.

1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу. Оккупация длилась недолго— в г. Лида Гродненской области мы чувствовали ее всего 15 дней. Наш город считался глубоким тылом. Когда с запада подходили немцы (до Буга), а с востока—русские, люди в панике, многие уходили из города: боялись немцев, боялись русских. Было много страшных рассказов о репрессиях в России.

До прихода русских, где-то с неделю, в Лиде было безвластие. Кто-то разграбил продовольственные склады, и госпиталь, возле которого мы жили, остался практически без питания. В это время все, кто учился в школе и в гимназии, стали работать в госпитале: делали перевязки раненым, ухаживали за ними. 27 сентября в Лиду вошли русские и ранеными спешно занялись специалисты.

Мой папа работал на пивзаводе, состоял в Рабочей партии, но особенного интереса к политике не проявлял. Его назначили директором пивзавода. Проработал он два месяца, а потом из Минска прислали нового директора.

Я больше учиться не стала, работать пошла на пивзавод—на склад готовой продукции; папа в это время был начальником лесопильного цеха. Так мы работали до 1941 года. Когда к нам пришли русские, город вошел в состав Советской Белоруссии, многих поляков стали вывозить в Сибирь. Вывезли тетю по родственной линии отца. Муж у нее был лесник. Не знаю, в чем он провинился, но отправили их обоих в Красноярский край. и где-то по дороге они погибли. Много было вывезено поляков и с нашей улицы, и из города. Из деревень вывозили меньше..

Потом—война. 22 июня началось, а уже 6 июля немцы были в Лиде. Начали мы, как могли, бороться против немцев. Ребята писали листовки, печатали газету, собирались по квартирам. Немцы запретили полякам учиться в школах, поэтому с сентября на квартирах начали работать подпольные школы. Квартиры меняли каждый день.

Немцы над поляками сильно издевались: запрещали ходить по тротуарам, на груди необходимо было носить букву «Р», мужчины должны были перед немцами снимать головные уборы и здороваться. Если кто-то этого не делал, то немец мог остановить поляка, а то и убить. Мужчины уходили в лес. Ушел в партизаны и мой брат. Я несколько раз ездила к нему, а потом и сама вступила в Армию Крайова. Стала связной и носила псевдоним «Тенча»—радуга. Мы приняли присягу. Возила партизанам сведения из Лиды о численности оккупантов, расположении подразделений, их передвижении. Жили мы около железной дороги, где расходятся линии на Вильнюс и Ленинград, и видели все передвижения эшелонов, записывали: какие, куда идут и с чем.

В районе Лиды действовали только формирования Армии Крайова, указания нам поступали из Лондона, оттуда присылали и подготовленных командиров для ведения боевых действий в лесах. Жители окрестных сел помогали партизанам,

кормили их и были рады этой силе, которая воевала с фашистами. Были деревни, куда немцы боялись показаться. Когда я бывала в таких местах, то казалось, что и войны нет,— дышалось там легче. Отряд действовал по 1945 год. Когда советские войска подходили к Вильнюсу, партизаны пошли к ним на соединение. Советские войска разоружили партизан, арестовали и вывезли их в Россию, в район г. Воронежа. Там они пробыли по 1946 год, после чего их отправили в Польшу.

Лиду освободили в июле 1944 года, и я снова пошла работать на пивзавод. Работала до 28 июля 1945 года секретарем-машинисткой. В тот день пришел на завод военный, предложил взять списки работающих и пройти с ним для их проверки. Было тепло, мы шли и разговаривали, подошли к какому-то зданию. Он спрашивает, знаю ли я, что здесь находится? Я ответила, что нет. «Это КГБ, и вы скоро это почувствуете»,— сказал военный. И я почувствовала.

Он ввел меня на второй этаж, сдал под конвой, и больше я оттуда не выходила.

Весь день меня гоняли из кабинета в кабинет, а поздно ночью бросили в подвал, где я находилась всю ночь и день, а на следующую ночь, в четыре часа, меня снова вызвали на допрос. Его вел следователь Пелюченко: оскорблял, задавал немыслимые вопросы, требовал признаться в том, что я немецкая шпионка и в годы войны работала на немцев.

— Вы убивали советских офицеров?

— Нет.

Удар ниже живота.

Я — верующая, католичка, и те маты, которые обрушились на меня, поразили еще больше побоев. В дальнейшем маты были как что-то вполне обыденное.

В подвале было холодно. Не было света, так как электростанции были разрушены. Какие-то доски... Устроилась, но крысы с холодными хвостами не давали заснуть. Что на воле? День ли? Ночь?

Сначала Пелюченко угрожал, а потом начал писать. И все, что он требовал, я подписывала. Он пишет, пишет: «Распишитесь». Потом: «Будете говорить? Нет? — Вам будет срок». Было так по 5 августа. Арестовали меня 28 июля, а санкция прокурора была только 5 августа. Неделя как в воздухе повисла. А еще через неделю меня перевели в тюрьму. Я потеряла счет времени. Я — враг? Я — изменница?

Каждый день к ночи приходил следователь и начинались допросы... Он заставлял на себя наговаривать — я отказалась. Тогда меня посадили в карцер. Раз посадили, второй, третий. Холод был страшный, и я не могла согреться.

В камере было человек 6—7, Галя Добровольская с Лиды и 2—3 девочки из деревни. Кормили рыбой и хлебом. Зажили веселее. Мужчины из соседней камеры отстучали, что среди нас есть «стукачка». Мы ее быстро обнаружили и не стали кормить.

Допросы продолжались. Следователь Невзоров начал создавать дело, упирая на то, что я шпионка и знаю языки: польский (это мой родной) и немного немецкий. Девочки научили: «Ничего не подписывай». Очередной допрос, карцер.

Под ноябрьские праздники по тюрьме ходил прокурор. Подошел и к моей камере: «Девушка, встаньте». Сил уже не было, и я сидела на цементном полу. За что вы сидите?»

— За то, что не стала на себя наговаривать.

— Кто ведет ваше дело?

— Следователь Невзоров.

Камера закрылась, а через 2—3 часа приходит сам Невзоров с бумагой: «Подпишите, суд будет в ноябре». Но суд состоялся позже. После ноябрьских праздников допросы были каждый день—дело заканчивали, я ждала приговора. По делу со мной проходил мой брат. Забрали нас в один день. И вот 18 ноября нас вызвали в дежурку с вещами. Трое военных зачитали приговор: 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах. Это статья 63 по белорусскому кодексу и 58-1а по союзному — измена Родине.

8 января 1946 года. Нас отправили этапом в Минск, где мы неделю просидели в подвале тюрьмы. Судя по следам пуль на стенах, это была камера смертников. Мы все 18 человек переживали ужасно. В этой 86-й камере мы были готовы к смерти.

Через два дня увезли в Оршу. Там была пересылка, кромешный ад. Камеры были переполнены, тюрьма забита людьми с запада, с Украины, негде было сидеть, не то что стоять. 200—300 человек, «параша» наполнялась моментально. Воды было мало, а кормили рыбой. «Блатные» отбирали вещи, били, пели вульгарные песни. Унизительной была санобработка. Мужчины, которые брили волосы, смачно смеялись над нагими женщинами, издевались, как могли. Неделю мы просидели без кормления. Наконец, собрали этап и повезли на Север.

Ехали 22 дня в «телячьих» товарных вагонах с двухъярусными нарами. Туалет через дырки в полу, посередине—железная печка. Кормили в основном рыбой, а жажду мы утоляли инеем с окон, или в лучшем случае давали маленькое ведро на сутки. Мы спали в одежде, не мылись. На мне из одежды было: ботинки, шаль, пальто. На остановках надзиратели никому не давали подойти к вагонам. Когда у них спрашивали:

«Кого везут?»—то отвечали, что вербованных.

Шестого февраля нас привезли в г. Молотовск. Архангельской области. Поселили в бараки, где были заготовлены картофель, морковь, но все мерзлое. На работу не водили — начался тиф. Жили вместе с уголовниками—те часто убивали, мародерствовали. Пайка была очень маленькая. Блузку выменяла на две луковицы. От плохого питания началась цинга (тогда я зубы потеряла).

Потом определили на работу, строили судостроительный завод. Белые ночи. Комары. Везли на тачках песок, носили кирпич. На работу и с работы шли под конвоем. Пробыли там три года. Выручила меня профессия портнихи. Это счастье.

В Ягрнелаге нам сказали, что всех политических переведут в особый режимный лагерь.

Шестого февраля 1949 года повезли в Сибирь. Через 16 дней привезли на 171-й км строящейся железнодорожной трассы Тайшет—Лена. Поселили в бараках, где до нас жили японские военнопленные. Жилье кишело тараканами и клопами. На работу некоторое время не водили из-за карантина. Зато каждый день нас гоняли носить швырок для отопления бараков. Одеты мы были плохо, а ходить приходилось далеко. В пекарне не успевали печь хлеб. Днем мы получали суп без хлеба, какую-то кашу, а ночью нам приносили хлеб. Как получишь пайку, так думаешь, что надо оставить немного на следующий день к обеду. Но хлеб не давал покоя, невозможно было заснуть — так и съедали все. Л лотом снова ждали следующего вечера, когда еще принесут.

Пока не работали—пайки были очень маленькие— 400—500 г в день. Потом, на лесоповале, кто нормы вырабатывал,— 700—800 г. Кто не справлялся с нормой — 500 г. Из женщин норму почти никто не вырабатывал.

Носили мы серые куртки и серые брюки. На куртке—на груди и на спине—были номера. Мой номер— 0-524. Когда мы приходили с работы, нас закрывали в бараках, и мы больше никуда не могли пойти. Барак был длинный, а их в лагере было по 5—6. В них по 200 человек, а в общем—1000—1200. Двухъярусные нары, одна параша — бочка из-под бензина. Окна с решетками никогда не открывались, жили без воздуха. Зимой приходили в промокшей одежде. Были сделаны сушилки, но на такое количество одежды не рассчитанные. Ничего не высыхало, утром надевали мокрую одежду, сырые валенки и шли на лесоповал. На работе старались выполнить норму. Охранники стреляли по любому поводу. Бывало, лесина упадет в запретной зоне (женщина не рассчитает), так охранник стрелял и убивал.

Заклученные, конечно, были недовольны ужасным произволом, требовали начальство из управления. Начальником был Евстигнеев, начальником режима — Бойко.

Как-то пришел к нам в зону Евстигнеев со свитой. Ему многие высказали свои претензии. Он пообещал разобраться, но после его ухода лучше не стало. Даже наоборот. У нас были клумбы с цветами, так все цветы вырвали, а клумбы разровняли. Появлялся у нас Евстигнеев редко, к его приходу наводился идеальный порядок. Обещал он всегда много, но ничего не делалось.

По трассе Тайшет—Лена я много раз меняла лагеря, да и не только я—многие. На одном месте не давали обжиться.

В Чукше видела монашек, которые не ходили на работу. Весной выгоняли всех на проверку, а их приходилось за руки в строй ставить. Наказывали, ставили на мошку, а они твердили: "Не будем работать на анархистов..."

Каких только людей не приходилось видеть на разных лагпунктах: жену генерала Гордова—Татьяну, жену генерала Цветкова, певицу Спендиарову, уже стареющую, за 50 лет женщину, Лину Леренс—опереточную актрису, которая успешно выступала в «Веселой вдове». Окружали меня в основном хорошие люди: жена Пятакова, седенькая такая старушка, в каптерке вещами заведовала (мне говорили: «Когда ты будешь старой, будешь такой же»), жена Героя Советского Союза Данилина, который вместе с Чкаловым летал на Северный полюс. Когда ее посадили, то фамилию Данилина заменили на Ветрову. У нее было два мальчика сына.

Евсеева Серафима Евсеевна «сидела». 5 лет, хотя имела должность совсем не страшную—в Тимирязевской академии, где было тепличное хозяйство НКВД. Ксения Дейко—фронтовичка. Тоже 5 лет. Как парень пошла на войну. В баню с ними не ходила. Три раза бежала из концлагеря.

В Ягрнелаге (г. Молотавск) встречалась с женой брата известного прибалтийского писателя Лациса.

Вспоминаю совсем темную бабу из Белоруссии, невесть как попавшую в Озерлаг. Она получила 5 лет. Ее спросили, была ли она в подполье. Да, конечно, муж сажал, а она вместе с ним ссыпала туда картошку.

А француженка? Идет к фельдшеру с головной болью — ей прописывают кальцекс, в другой раз заболела рука, средство то же — кальцекс. И всегда кальцекс. Она так искренно этому удивлялась.

Я ничему не удивлялась. Видела комбрига (?) Шелеста в Тайшете. Видела лесоповал и работала парикмахером в лагере. Опер брился, офицеры приходили. Начальник режима Рыжов появлялся как барин, мы ему ногти стригли. Он весь свой выводок приводил в баню, за которым приходилось ухаживать.

Вспоминаю надзирательницу Жабскую (на 146 км), которая, бывало, хлеб принесет. В Чуне жена Эпштейна (она работала цензором) предлагала тайком: «Зюточка, напишите письмо, я отправлю». Правда, не последнюю роль играло то, что я была неплохой портнихой. Получали посылки раз в месяц, делились. Праздники старались проводить вместе. Умудрялись из ничего торты стряпать. Мама посылала что-то, собирала по крохам. Однажды, чтобы послать мне необходимое, она продала плюшевое пальто, но вырученные деньги украли.

Последний, пятый лагерь был там, где сейчас корпуса БРАЗа стоят—22-й разъезд. Там мы рубили лес для ГЭС, делали просеки, дороги. Условия были тяжелыми. Пока везут на работу, люди замерзают. Питание плохое. Возможности отдохнуть и помыться после работы не было. В бане давали две миски воды: хочешь купайся, хочешь—голову мой, хочешь—стирай. Воды не было—топили снег и этой водой мылись. Девушки-белорусски говорили: «Пропадем, девки». Несмотря на овсяную кашу, держались. Организм жен-шины все же выносливее мужского, да и посылки спасали. Однажды случился пожар, но нас пугал не огонь, а как бы не сгорели матрасы—а это значит—«промот».

Работали весь день и лагеря своего не видели: уходили на работу—темно, приходили—тоже темно.

Однажды была у нас забастовка — отказались от еды и 2—3 дня не выходили на работу. Ставили свои условия. Пример подали женщины из Норильска, переправленные в наш лагерь из-за восстания. Начальство всполошилось, пообещало все условия выполнить, только чтоб мы вышли на работу. Но, конечно, многого не сделано. Это было в Новочунке.

Работали по трем категориям: первая — тяжелый труд, вторая—полегче, третья—легкая работа (использование на работах в зоне). У меня была третья категория, но работала и на лесоповале. Пока чувствуешь себя хорошо — в лесу, а как «дойдешь», то в зоне оставят—дневальной или в мастерских работать. Но третью категорию старались никому не давать.

В холоде и голоде женщины доходили до отчаяния. В выходные дни также не было просвета — надзиратели постоянно строили па проверку, оскорбляли, обзывая нецензурными словами, старались ударить или толкнуть. Мы все это сносили, терпели — защиты ждать было неоткуда. Перестали мы быть людьми— это было самое обидное, и трудно было с этим мириться.

В 1955 году закончился срок моего наказания. Меня привезли в Тайшет и здесь оставили. Я стала работать в торговой части «Ангарстроя» в пошивочной мастерской. В 1960 году написала в Верховный Совет СССР о своем деле, и через некоторое время мне пришел ответ, что дело мое пересмотрено, прекращено и я реабилитирована.

После освобождения я хотела вернуться на Родину, по меня больше года каждый месяц заставляли отмечаться в спецкомендатуре. И потом ведь из-за меня преследовались мои родные... Брату трудно было учиться, постоянно попрекали, что у пего сестра сидела. Племянница вышла замуж за военного (когда меня осудили, ей было всего два годика), обо мне ничего не знала. Муж се закончил военную академию, а когда решался вопрос о его назначении, то выяснилось, что среди родственников жены были осужденные, то есть я, и у него были неприятности по службе. Поэтому я и не хотела больше думать о возвращении, чтобы никому не быть помехой.

Так я и осталась в Сибири; без родных, без родного языка, без Родины.